

10. апреля 1954.

Вечно живой Мольер

Первый спектакль театра «Комеди франсез» — большое событие для москвичей, для любителей театра и для театральных деятелей.

Я не выступаю как критик. Для обоснованного критического разбора спектакль надо смотреть не один раз. Поэтому в моих суждениях сегодня отражены только первые мысли, мое восхищение, которым я и хочу поделиться с читателями, со своими московскими и французскими коллегами...

Вот он наступил, этот замечательный для актеров и для зрителей торжественный момент: притупленный, притихший зрительный зал, вспыхнувшая рампа, беззвучно раздвигается занавес...

И затем произошло как раз то, чего все так ждали: мы увидели французский классический театр таким, каким представляли его себе, наверно, еще в детстве, перечитывая классические издания мольеровских комедий, рассматривая иллюстрации к ним...

Скромно и точно убранная сцена. Это и правда и театральная условность: комната-навильон с небольшой, лишь условно оправданной перспективой стен и паркета, со скупой мебелировкой; мольеровские персонажи в нарядных и в то же время необычайно скромных, исторически точных костюмах.

Начался спектакль, и первое, что мы заметили, — это почти полное отсутствие того, что мы называем мизансценой. Что это? Конечно, это театр, хотя нет в нем того реалистического правдоподобия, которого мы добиваемся на наших сценах. Скорее всего, это великолепное чтение мольеровских стихов, сопровождаемое движением и жестами. Это своеобразная игра, именно игра, в которой актер сохраняет свою индивидуальность, поражает нас блестящим мастерством речи, изяществом и выразительностью жеста, сдержанной скупостью, которая так гармонирует со скупостью и изяществом живописного и графического оформления, традиционного для мольеровского спектакля. Все основано на хорошем, тонком вкусе и превосходном артистическом расчете, где актер, в сущности, остается самим собой. Впечатление такое, что главной задачей актера является точнейшее допесение мольеровского текста. Мы встретились с актером-интерпретатором, который не хочет дать больше того, что дал автор, хочет быть прежде всего идеальным его представителем.

Часто в великолепной артистической игре, которую мы видим на наших сценах, актер как бы вытесняет автора. Он создает живое лицо, пользуется авторским текстом, оживляя его интуицией, обогащая, вскрывая скрытое за текстом. Так исполнял свои роли Станиславский, в частности и роли мольеровского репертуара. В этом же ключе был решен и мольеровский «Тартюф» на сцене МХАТ. Так сыграл Оргона Тонорков. А вот перед нами Оргон — Луи Сенье. Это очень точное, блестящее актерское мастерство, великолепная техника. Оргон — Сенье добродушен, наивен, непосредственен, доверчив, добр... В нем есть правда искусства. Но это другой путь.

Замечательны в этом спектакле и актрисы и прежде всего — Берт Бови, отличная исполнительница роли г-жи Пернель, старушки с розовыми, подкрашенными щеками и трясушей головкой, с острыми и колкими жестами, упрямая и капризная. И рядом с ней — величественная, сильная, смелая Дорина в исполнении Беатрис Бретти, полная задора и обаяния, настоящая хозяйка дома и хозяйка сцены. Очень мила, женственна и комедийна, лирична и трогательна Марианна — Мишлин Будэ. Великолепна в своей элегантности, женственности и благородном изяществе Эльмира — Анни Дюко.

Исполнитель Тартюфа Жан Йонель, несомненно, — и это закономерно — наиболее интересная фигура спектакля. Но это не совсем тот Тартюф, которого представляешь себе, читая мольеровские ремарки. Это не самодовольный, пышущий здоровьем плут, над которым издевается Дорина. Это — немолодой, мрачноватый, несколько сухощавый человек с глуховатым голосом. Но сущность роли раскрыта предельно точно — в сдержанных, проверенных и рассчитанных актерских интонациях, с безукоризненным произношением.

Жан Мейер, Андра Фалькон, Луи Эймон, Анри Роллан, Жан-Луи Жемма в мольеровских образах — каждый по-своему — умны, изящны, темпераментны, выразительны. Стремительность темпа, искромет-

ность диалогов характерны для всех исполнителей спектакля. И конечно, можно поучиться их умению держаться на сцене, носить костюм, их великолепной артистической свободе и прежде всего — их благоговейному отношению к слову, к тексту, к стиху, к сцене и выразительности их жеста. Я уже не говорю о том, как чудесно звучит со сцены французский язык, один из красивейших языков мира, такой певучий, рокошущий, полный огромного богатства музыкальных интонаций. Актеры бережно хранят и доносят до нас тончайшие мольеровские интонации, если можно говорить об интонациях, заложенных в самой структуре авторского текста. И, пожалуй, — ничего больше. Но это «ничего больше» — огромно. Это — сам Мольер. Эта точность и сдержанность, повиновения, и есть традиция исполнения Мольера, та традиция, которая, охраняемая от искажений и вольностей, передается из поколения в поколение, от одного исполнителя к другому в театре французской комедии.

Мы присутствовали на спектакле национальном, французском, разыгранном с недостижимым для какой-либо другой страны постижением Мольера. И пусть это искусство как бы покрыто дымкой времени, и иным может показаться несколько старомодным, оно обладает волшебной силой живого воздействия — мы в этом убедились. Бережность, с которой французские артисты сохранили мольеровские традиции, с которой они сумели принести нам неумирающий талант Мольера — драматурга и актера, отражающего талант и душу французского народа, поистине достойна уважения и восхищения.

На спектакле мы могли еще и еще раз убедиться, как близко и доходчиво честное, народное, ясное, мудрое искусство Мольера, с какой силой, с каким убедительным и уничтожающим сарказмом разоблачает оно Тартюфа, не только Тартюфа, показанного на сцене, но и тартюфов в различных обстоятельствах и обликах, встречающихся еще и сегодня в жизни. И эта жизненность творческой философии поэта, вероятно, особенно ярко обнажается в актерском исполнении мастеров «Комеди франсез». Отказом от излишнего бытовизма спектакль поднимается до басенного обобщения. Тартюф остается в памяти не только как образ угрюмого лицемера, гнусного ханжи и обманщика, он закрепляется в нашем сознании как типическое явление, как огромное обобщение, как символ. А этого и хотел Мольер. Этого хотим и мы от искусства. Вот в чем поучительный для нас смысл спектакля «Тартюф».

У меня есть старая книга. Она называется «Dictionnaire du théâtre» (Театральный словарь). В 1918 году, в день празднования пятилетия так называемой «Мансуровской студии», мы, ученики-студийцы, подарили ее Вахтангову. Теперь книга находится у меня, я храню ее как память о моем учителе, который первый дал мне почувствовать, что такое искусство Франции. В его рассказах нам, своим ученикам, Франция предстала передо мной такой же, как та, которую сегодня я узнал в спектакле «Комеди франсез».

Вот почему я вспомнил о том, что написано в старом Театральном словаре о театре «Комеди франсез», «который, как с точки зрения показываемых публике произведений, так и с точки зрения их исполнения является яркой и неоспоримой гордостью великого народа, который, несмотря на все испытания и несчастья, неизменно оставался и остается в авангарде современной цивилизации... Комеди франсез — единственная, как единственная Мольер...».

Знаменательные слова! В спектакле, показанном нам «Комеди франсез», мы ощутили душу французского театрального искусства, огромную, прекрасную душу французского народа, а в приветствиях, которыми обменялись французский национальный театр и московский зрительный зал, мы почувствовали реальность заложенного в искусстве единения и взаимного уважения.

И сегодня хочется сказать слова самого дружеского приветствия к представителям славного французского искусства, к представителям народа, родившего Мольера, народа гордого и независимого, всегда передового в борьбе за подлинную духовную культуру, за дружество народов, за мир, за правду и дружбу на земле.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР